УДК 331.797 (574)
DOI 10.17223/19988613/35/7

А.Ж. Нургалиев

ПРОМЫСЛОВЫЕ АРТЕЛИ КАЗАХСТАНА – ФРОНТУ

Анализируются усилия кооперативных предприятий Казахской ССР, которые предпринимались ими по обеспечению армии и фронта обмундированием и снаряжением. На конкретных примерах показано решение таких проблем, как снабжение артелей сырьем и комплектующими материалами, обеспечение их квалифицированными кадрами, транспортом и финансовыми средствами. Уделено внимание хозяйственным связям со смежниками, включая государственные заводы и учреждения. Описана помощь со стороны местных советских и партийных органов. Сделан вывод о том, что промысловые кооперативы в короткий срок превратились в составную часть оборонно-промышленного комплекса республики, ощутимо повысив его эффективность.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Казахская ССР; промысловые артели; выполнение военных заказов.

Нападение Германии на СССР представляло угрозу существованию не только славян. Известно, что главной целью агрессивного плана «Барбаросса» был разгром русских как государствообразующей нации и разобщение их. Но предполагалось также ликвидировать национальную культуру народов, входящих в Советский Союз. Немцы хотели разделить захваченные территории на рейхскомиссариаты. Один из них получил условное название «Туркестан», куда «включили» и юг Казахстана. Остальные районы республики гитлеровцы намеревались присоединить к так называемым «индустриальным областям» и «Идель-Уралу» [1. С. 28]. Это неминуемо привело бы к потере казахами своего этнического единства, которое складывалось на протяжении столетий, и предопределило бы их последующую духовную и физическую деградацию.

Противостояние мощному, хорошо вооруженному и опытному врагу, установившему господство практически над всей Европой, потребовало скорейшей мобилизации всех сил и средств Советского государства, включая и кооперативную промышленность, которая до войны занималась, главным образом, изготовлением товаров широкого потребления: одежды, обуви, мебели, металлоизделий и др. В Казахстане она располагала ощутимым экономическим потенциалом. Так, предприятия республиканского промыслового совета (Казпромсовет) в 1940 г. были представлены 489 артелями, объединявшими 36,3 тыс. человек. Кооперация инвалидов (Казкоопинсоюз) насчитывала 77 артелей с числом членов свыше 4 тыс. Валовый объем их продукции составил, соответственно, 209,6 млн руб. и 16,76 млн руб. в неизменных ценах 1932 г. [2. С. 76–77; 3. С. 106].

Через три дня после вероломного нападения Германии состоялся пленум ЦК Коммунистической партии большевиков Казахстана (КП(б)К), который обязал партийные и советские организации немедленно перестроить жизнь республики на военный лад. Но степень грозившей опасности еще до конца не осознавалась. Поэтому главная задача по-прежнему виделась в неукоснительном соблюдении решений союзного руководства от 7 января 1941 г., нацеленных на увеличение производства товаров широкого потребления местной и кооперативной промышленностью [4. С. 208–

209]. Тогда еще никто не думал, что и малым предприятиям, находившимся в ведении промкомбинатов и областных промысловых советов, тоже придется заниматься военными поставками.

Однако приняв во внимание ухудшение обстановки на фронтах, КП(б)К 7 июля 1941 г. принял постановление «О мобилизационной готовности Казпромсовета и предприятий его системы». Руководителя промысловой кооперации Джунусова партийные власти обязали уточнить в декадный срок через начальника Алма-Атинского гарнизона и штаб Среднеазиатского военного округа мобилизационные задания по изготовлению обмундирования, белья и ремонту обочно-вещевого имущества, а также обеспечить подготовку в артелях женщин-работниц для замены мужчин, уходящих в Красную Армию. Военному комиссару КазССР Щербакову и секретарям обкомов КП(б)К предписывалось всячески помогать областным промысловым советам, координировавшим деятельность низовых кооперативов в каждом регионе республики, «в деле решительного повышения их мобготовности».

Из текста документа следует, что с первых дней войны кооператоры начали передавать в распоряжение военных принадлежавшие им автомашины, лошадей, повозки, упряжь, тару для хранения нефтепродуктов, производственные и административные помещения, в которых теперь размещались призывные комиссии и формировались маршевые роты [5. С. 39–40]. Казпромсовету пришлось пожертвовать и домом по адресу г. Алма-Ата, ул. Кордонная, 128, где находился учебно-курсовой комбинат, готовивший для системы квалифицированных специалистов [Там же. С. 39, 40; 6. Л. 66; 7. Л. 121]. В добровольно-принудительном порядке основные средства изымались также из системы Казкоопинсоюза, несмотря на то что там работали в основном инвалиды. Они отдали для нужд армии 16 мерин-тяжеловозов, 9 исправных автомобилей, 7 фургонов, 1 типографский станок, 1 пишущую машинку и патефон для госпиталя. Зданий и сооружений от них было принято на сумму 215,2 тыс. руб. [8. Л. 6].

В течение второго полугодия 1941 г. система промкооперации должна была изготовить для оборонного

ведомства 17 500 бричек, как на железных колесах, так и на деревянном ходу. С этой целью ей выделялось 3 вагона лиственничного леса, 149 т сортового железа и весь металл, находящийся на базах утильсырья. Кроме того, осуществлялись фондовые поставки 3,8 тыс. комплектов специальных деталей. Свыше 4 тыс. подобных комплектов предстояло приобрести самостоятельно в порядке децентрализованного закупа с использованием собственных средств и последующим расчетом с армейскими интендантами по акту сдачи-приемки готовых изделий. Госплан республики получил указание в первоочередном порядке удовлетворять потребности Казпромсовета, продиктованные данным заказом [9. Л. 297–298].

Важность его трудно переоценить. Ведь тогда повозка, запряженная лошадью, являлась едва ли не основным средством внутривойсковой коммуникации. Легкие армейские внедорожники американской фирмы «Виллис», которые использовались как командирские автомобили и тягачи для 45-миллиметровых противотанковых пушек, стали поступать по ленд-лизу лишь во второй половине 1942 г. Всего за годы войны в Советский Союз их было отправлено около 52 тыс., так что с учетом потерь и издержек эксплуатации автомашин (запчасти, ремонт, затраты горючего и масел) значение армейского обоза сохранялось и на заключительном этапе военных действий.

Одним из наиболее крупных (свыше 400 рабочих) и оснащенных кооперативных предприятий, занимавшихся обозостроением, была алма-атинская артель им. Чкалова. На нее пришлось шестая часть правительственного задания (требовалось изготовить 3 000 бричек). С 1 августа по 31 декабря 1941 г. удалось собрать 1 428 шт., или 47,6%, бричек. Невыполнение объяснялось тем, что кооператоры столкнулись с рядом проблем. Обнаружилась острая нехватка стали различных сортментов, а также готовых деревянных деталей, обрезной доски, сверл и топлива. Надо сказать, что в описываемое время использование сырья и материалов жестко контролировалось. В системе промкооперации КазССР за этим следила специальная комиссия в составе: заведующего сектором материальных фондов Казгосплана Леонова, руководителя материальной отрасли Казпромсовета Луппова, инженера Алма-Атинского городского промыслового союза Лукашевича и начальника лесогруппы Казпромснаба Сквирского. В ходе предпринятой ими 2 января 1942 г. проверки было установлено, что перерасход леса объясняется излишней толщиной полученного бруса. При его последующей обработке до установленного артикулом размера в стружку уходило 17,9% дерева. Металлические узлы колес и кузова армейской брички ввиду отсутствия кондиционного железа делались из разносортной обрезки, отчего также образовывались значительные отходы. Комиссия вместе с председателем правления артели им. Чкалова Россиным подсчитала, что для выполнения спецзадания потребуется дополни-

тельно 289 кубических метров древесины, 74,8 т сортового металла, 620 т кокса и 172 т древесного угля [10. Л. 1, 140].

Конечно, кое-что кооператоры добывали в порядке самозаготовок, например олово на Жана-Аркинском месторождении кассирита в Карагандинской области. Контингентом из 120 заключенных, предоставленных НКВД в распоряжение одной из местных артелей, руководили ее председатель Ткач и член правления, коммунист Тюлемисова [11. Л. 99]. В заброшенных разрезах разрабатывали открытым способом угольные пласты. Сдирали деловое железо со старых колхозных повозок и после доработки обивали им армейские брички. Собирали металлолом в аулах и горных селениях, вывозя его оттуда на вьючных животных, предоставленных местными жителями. Рубили березу в лесных районах республики и по рекам сплавливали бревна до мест назначения. Однако предпринимаемые усилия кардинально исправить ситуацию не могли.

Особенно тяжело было, когда заканчивалось топливо. В мирное время (1940 г.) промысловикам выдавались наряды на нефть (310 т) и кокс (21 500 т). Этого, в принципе, хватало для обеспечения производственных процессов. С началом войны отоваривать фонды практически прекратили. Убыль энергоносителей компенсировали в основном дровами. Но в Казахстане с его обширной степной зоной лесосеки – редкость. Алма-Атинский горисполком смог выделить горпромсоюзу делянку в районе Чарынской дачи в 350 км от города. Расстояние от нее до ближайшего водоема составляло 65 км. После 5 месяцев мучений и жалоб участок отвели совсем рядом, у городского озера, но управление госзаповедников валить деревья там запретило. Выход из тупика нашли члены артели «Пимокат». Они переоборудовали два своих паровых котла по методу доцента горно-металлургического института Левина. Жаровую трубу обложили огнеупорным кирпичом, топку снабдили поддувом и убрали колосниковую решетку. Коэффициент полезного действия повысился вдвое, несмотря на то что сжигали не уголь, а торф, саксаульную пыль и кизяк. Об удачном нововведении рассказали в газете [12. Л. 51; 13].

Ритмичной доставке сырья в мастерские и готовых изделий на склады заказчика препятствовала слабая транспортная база. Так, деревянные комплектующие бричек делали предприятия Уйгурского района, располагавшиеся в 300 км от Алма-Аты. В то же время для того, чтобы отправить новый обоз армейским частям по железной дороге, его надо было подвезти к станции на грузовиках, которые военное ведомство мобилизовало у кооператоров еще в августе 1941 г. Кстати, интересное решение вопроса нашли в Казкоопинсоюзе, занятом пошивом обмундирования. Те артели инвалидов, которые испытывали транспортные затруднения, были освобождены от спецзаданий. Их разверстали среди товариществ, которые находились вблизи от баз снабжения и приемки готовых изделий.

В новых условиях выявился дефицит квалифицированных кадров. 70 человек призвали в армию. Оставшиеся работали сверхурочно по 3 часа в день, хотя эта норма и противоречила действующему Уставу промысловой артели. Внесение соответствующих поправок в трудовые отношения санкционировали СНК КазССР и ЦК КП(б)К 16 августа 1941 г. «Трехсменку» и свободный найм надомников разрешили еще раньше – 17 июля [5. С. 55, 104, 105]. С наступлением осени, а потом и зимы, вечерами и ночами люди трудились при свете керосиновых ламп. Керосин для них покупали сами, потому что на артель выделялось всего по 750 гр. жидкого топлива в месяц. Помимо этого сократили вспомогательный персонал, провели замену молодых сторожей на «менее трудоспособных».

Чтобы полностью сосредоточить кооперативы на скорейшем выполнении оборонных заказов, партийные власти воспретили отвлекать их персонал на хлебоуборку. В Алма-Ате это правило соблюдалось. Но на местах нашли «выход». Глава Кустанайского областного промышленного совета Тимачев жаловался вышестоящему начальству, что военнообязанных от 16 до 50 лет из товариществ, занятых производством бричек для Красной Армии, по приказу военкомата 28 сентября 1941 г. послали на однодневные сборы. Затем всех людей вместе с командирами погрузили в вагоны и отправили в колхозы убирать урожай. Сам Тимачев, как только узнал об этом, лично приехал на станцию, но смог отстоять только нескольких руководителей и мастеров. В результате большинство кооперативных цехов закрылось [11. Л. 115]. Прекращению самоуправления способствовал циркуляр ЦК КП(б)К и СНК КазССР от 1 октября 1942 г., согласно которому никто не имел права распоряжаться работниками, находящимися в ведении Казпромсовета, без его согласия. Тем не менее и этот «строгий запрет» постоянно нарушался местными партийными и советскими органами, вынужденными экстренно отдавать распоряжения мобилизационного характера [14. Л. 116].

Однако вернемся к артели им. Чкалова. Исходя из задания II квартала 1942 г., ей требовались дополнительно 93 кузнеца, 22 слесаря, 15 токарей, а также электросварщики, электромонтеры и механики. Положение усугублялось тем, что по решению ЦК КП(б)К и СНК КазССР учебно-курсовой комбинат Казпромсовета в Алма-Ате, готовивший мастеров для системы промкооперации, расформировали и его помещение передали гарнизону. На производство пришли подработки и женщины – домохозяйки, жены военнослужащих, которые непосредственно на рабочем месте осваивали тяжелые мужские профессии в порядке бригадного и индивидуального ученичества. На их обучение в целом по системе было выделено свыше 400 тыс. руб. Ускоренную подготовку с августа по ноябрь 1941 г. прошли 1 569 человек. Из их числа артель им. Чкалова заполнила 282 вакансии. Особо отличалась девушка по фамилии Безматерная. Она заменила

ушедшего в РККА кузнеца Серебрянникова и уже через полтора месяца самостоятельно справлялась с ковкой металлических узлов повозки. Сентябрьское задание она выполнила на 201%, октябрьское – на 256% [10. Л. 127; 15. Л. 72].

Тормозили работу смежники – механический завод, трамвайный трест, депо станции Чарская, – задерживающие поставки чугунных осей и втулок. Даже то, что поступало вовремя, зачастую не соответствовало техническим стандартам. Кооператорам приходилось самим исправлять недочеты. Кроме того, трамвайный трест за изготовление одной оси запросил 81,4 руб., тогда как расчетная цена других организаций вместе с расходным материалом укладывалась в 33,26 руб. Только за II квартал 1942 г. переплата по данной позиции составила 20,4 тыс. руб. [10. Л. 139].

Дороже стала обходиться кооператорам деловая древесина, которую получали не из специального фонда обороны по минимальным расценкам, а из резерва, предназначенного для производства товаров широкого потребления. Правление товарищества вынуждено было периодически обращаться в Главное инженерное управление Красной Армии, к интенданту I ранга Курсакову и военному комиссару Ахметову с ходатайствами о пересмотре плановой калькуляции на брички. Военные в апреле 1942 г. согласились увеличить оплату с 997 до 1 100 руб., хотя к тому времени себестоимость одной повозки возросла до 1 582 руб. Но и эти деньги за уже принятую военпредом продукцию Управление обозо-хозяйственного снабжения РККА выплачивать не спешило. К маю 1942 г. оно задолжало кооператорам 550 тыс. руб. Неудивительно, что в артели сложилось тяжелое финансовое положение. Образовались дефицит оборотных средств и трехмесячный долг по заработной плате, что, естественно, не добавляло членам коллектива трудового энтузиазма. Председатель товарищества Россин, не видя перспектив выполнения военного заказа и опасаясь репрессивных мер (в 1941 г. только по Алма-Атинскому городскому промышленному союзу за срыв спецзаданий Правительства были сняты с работы и исключены из партии 7 руководителей артелей), даже предлагал секретарю ЦК КП(б)К Шахшину передать кооперативный обзостроительный завод в ведение Наркомата местной промышленности. Но эту инициативу власти не одобрили, поскольку пришлось бы возвращать трудовому коллективу паевые взносы [Там же. Л. 139–140; 16. Л. 11].

В военный период встречались прецеденты совершенно иного свойства. Там, где хозяйственность кооператоров сочеталась с предприимчивостью и управленческим талантом председателя, артели демонстрировали высокую степень эффективности. Наличие собственного аппарата снабжения, внутрисистемное маневрирование ресурсами с опорой на местную составляющую, использование многообразных видов занятости давало им весомые преимущества перед излишне централизованной структурой Наркомместпрома. Руководители ряда реги-

онов даже вынуждены были преобразовать небольшие государственные предприятия в кооперативы с тем, чтобы улучшить их работу. Так поступил Акмолинский облизполком с кожевенным заводом, который с мая 1943 г. стал именоваться артелью «имени Героя Советского Союза, батальонного комиссара панфиловской дивизии Малика Габдуллина» [17].

Однако в первый год войны промысловики, в связи с освоением ими целого ряда специальных изделий, остро нуждались в поддержке властей. Председатель президиума Казпромсовета Круглов 17 января 1942 г. обратился к Зампреду СНК КазССР Заговельеву, своему бывшему коллеге, до ноября 1941 г. возглавлявшему республиканскую промкооперацию, с просьбой об адресной помощи промысловому товариществу им. Чкалова. В ней он сформулировал предложения, которые, по его мнению, могли бы исправить ситуацию. Так, следовало весь цикл производства сосредоточить в артели, устранив, тем самым, ненадежных смежников. Для этого надо было расширить производственные площади, транспортные возможности и выделить дополнительное оборудование в виде 9 токарных станков по металлу, 2 механических кузнечных молотов, 5 прессов, 4 болторезных станков. Круглов ходатайствовал о передаче «чкаловцам» всего леса, заготавливаемого в окрестностях республиканской столицы (поставки из Куйбышева и Уфы не покрывали и 5% потребности в дереве), а также о бесперебойном снабжении их металлом головной конторой Металлосбыта с тем, чтобы не зависеть от целевых, но нерегулярных поставок с Магнитогорского комбината [16. Л. 4–8].

Партийные органы в лице секретаря Алма-Атинского горкома партии Жуланова и председателя городского совета депутатов Абдыкалыкова тоже подключились к решению данного вопроса. В докладной записке на имя Секретаря ЦК КП(б)К Досымова и главы Правительства Казахской ССР Ундасынова, датированной 10 января 1942 г., они обращали внимание республиканского руководства на увеличение с началом войны производственной программы промысловой артели им. Чкалова более, чем в два раза, тогда как ее промфонд остался прежним. К выполнению спецзаказа пришлось привлекать ряд других предприятий местной и кооперативной промышленности, снимая с них задания по ширпотребу, что отрицательно сказалось на обеспечении населения предметами повседневного спроса.

Разобравшись на месте с причинами отставания, городское начальство пришло к выводу о необходимости дополнительного закупа артелью 200 лошадей, сооружения на ее территории водопровода, сушилки, термической печи, литейного цеха с вагранкой, навеса для хранения готовой продукции и узкоколейки до ближайшей ветки Туркестано-Сибирской магистрали. На осуществление данных мероприятий запрашивался банковский кредит в сумме 775 тыс. руб.

Получить его без санкции ЦК КП(б)К и Правительства КазССР было нереально. Госбанк по существующему законодательству мог давать деньги: а) под запасы сырья; б) под отгруженные товары; в) под остатки готовой продукции. У кооператоров имелось некоторое количество изготовленных бричек, но их залог не обеспечивал требуемых капиталовложений.

В записке приводился перечень станков и механических приспособлений, в которых нуждалось товарищество им. Чкалова. Предлагалось передать ему 90 единиц техники из фонда эвакуированного оборудования, в том числе токарные станки по металлу и дереву, болторезные и сверлильные агрегаты, эксцентриковые и фрикционные прессы, циркулярные пилы, механические молоты, электромоторы. На документе есть пространная резолюция, содержание которой сводилось к следующему: проверить обоснованность предложений и, по-возможности, поддержать [10. Л. 38–39].

Местные власти, будучи уверенными в том, что их обращение будет услышано и республиканский центр отдаст соответствующие директивы, увеличили задание для артели на I квартал 1942 г. до 3 500 бричек, но затем скорректировали его до 2 400 единиц. Однако за период с января до середины марта 1942 г. было изготовлено всего 814 штук, или 34% [Там же. Л. 125].

Своевременный подвоз комплектующих деревянных деталей вновь оказался узким местом. Его «расшивкой» занялось уже Бюро ЦК КП(б)К. На заседании 18 марта 1942 г. стоял вопрос «Об обеспечении транспортом артели им. Чкалова для вывоза бричечных деталей с Чарынской лесодачи». Директивы высшего партийного органа республики сводились к следующему: Наркома автотранспорта КазССР Имансентова обязали выделить 5 грузовых автомашин, в том числе две газогенераторные ЗИС-5. Последние имели силовую установку, работавшую не на бензине, а на твердом топливе, чаще всего на дровах. При некоторой потере мощности такая машина не нуждалась в заправках и могла с успехом использоваться в сельской глубинке. Еще один бортовой автомобиль передавал кооператорам руководитель Наркомлеса Джапзаков. От него также потребовали рационально использовать встречные порожние маршруты ведомственных грузовиков для обслуживания кооперативных поставок. Из системы Казпромсовета сроком на 1 месяц мобилизовывались в артель 50 одноконных подводов. Уполномоченный Наркомата заготовок Светлов должен был поставить кооператорам 10 т зернофуража для тяглового скота, а республиканский Главнефтьсбыт – 3 т бензина. Контроль за реализацией намеченного возлагался на секретаря ЦК по промышленности Шахшина [18. Л. 235–236].

К сожалению, многие документы кооперативных предприятий и организаций той поры утеряны или уничтожены как малоценные. Поэтому сегодня невозможно восстановить в подробностях процедуру исполнения вышеупомянутых решений партийных органов. Но, судя по их характеру и обстоятельствам, в которых они при-

нимались, можно говорить о достаточно высокой степени эффективности управления промысловыми кооперативами в экстремальных условиях тотальной войны. Сохранившиеся архивные материалы свидетельствуют, что за годы войны система Казпромсовета изготовила брочек 22 220, телег – 6 577, саней – 25 000 штук. Большая часть этого снаряжения предназначалась для фронта [19. Л. 10–11]. Успехи были бы еще значительнее, но некоторые товарищества, имевшие спецзадания, явочным порядком по решению местных властей перепрофилировались на выполнение всевозможных ремонтных работ. Так, артель «Красный ломовик» (Кокшетауский район Северо-Казахстанской области) в первом квартале 1942 г. обслуживала исключительно потребности райвоенкомата, а 40 пароконных ходов для армии сделать так и не успела [10. Л. 191].

Ассортимент изделий, которые промысловые артели производили в рамках оборонных заказов, не исчерпывался обозом. В Постановлении СНК КазССР и ЦК КП(б)К «О дополнительном изготовлении и поставке вещевого имущества для Красной Армии в III квартале 1941 г.» от 7 июля 1941 г. на промысловую кооперацию Казахстана возлагалась задача пошить 30 тыс. гимнастеров, столько же солдатских шаровар и ватных телогреек, по 100 тыс. нательных рубаш и кальсон. Правительство республики настаивало на переводе предприятий, среди которых разверстывался данный спецзаказ, на ежесуточный график и трехсменный режим работы, а также разрешило по максимуму задействовать надомников. Главу Казпромсовета Джунусова обязали ежедекадно докладывать о ходе выполнения настоящего постановления [5. С. 55].

Спустя две недели Бюро ЦК КП(б)К решило проверить, как идет выполнение утвержденной программы кооперативной промышленности. Выяснилось, что в течение июля спад производства составил 27,6%. Причину увидели в иждивенческих настроениях руководителей артелей, надеющихся на помощь центра, их неумении мобилизовать внутренние резервы и местные ресурсы. Партия дала понять, что подобные упущения в условиях военного времени будут расцениваться как преступление перед страной. Ответственного за работу предприятий республиканского подчинения, заместителя Председателя СНК КазССР Ерофеева строго предупредили. Ему в подчинение дали группу квалифицированных и проверенных специалистов, перед которыми поставили задачу срочно заняться изысканием новых источников сырья и материалов, внедрить поцеховую диспетчеризацию технологических процессов и во что бы то ни стало преодолеть отставание [20. Л. 265–267].

Однако усиление административного нажима не принесло результатов: 2 ноября Бюро ЦК констатировало, что оборонный заказ III квартала сорван. По Казпромсовету выпуск шинелей составил 0,9%, гимнастеров – 48,3%, ватных шаровар – 52,8%; по Коопинсоюзу показатели были еще хуже – от 0 до 12,5%, хотя надо отметить, что и в этих немисливо сложных обстоя-

тельствах некоторые промысловые товарищества показывали чудеса предприимчивости и трудового героизма. Так, столичная артель «Трикотажник» во втором полугодии 1941 г. выдала продукции сверх плана на 190,4 тыс. руб. [21. С. 176]. Теперь порция суровой критики досталась главам снабжающих организаций: Казснабпрома (Семеновых) и Казснаблеглома (Чалов). Их обвинили в том, что они оставили артельщиков совершенно без сырья. Первым секретарям обкомов, горкомов, райкомов было сделано внушение за крайне редкие посещения кооперативных предприятий, работающих для фронта. Одному из лидеров алмаатинских коммунистов Васильеву и председателю республиканской кооперации инвалидов Корту объявили выговоры, причем последнего пригрозили снять с должности и исключить из ВКП(б).

Выход увидели в доведении до каждого участка и каждого исполнителя сменного плана-задания, ежесуточной телеграфной отчетности, переходе, там, где это возможно, на круглосуточный режим функционирования. Ответственных товарищей из отраслевых наркоматов и партийных комитетов обязали периодически бывать на местах, инструктировать рабочих, оказывать содействие в развертывании социалистического соревнования, движения рационализаторов и двухсотников. Подчеркивалось, что отныне деятельность первичных партийных и комсомольских организаций будет оцениваться в зависимости от того, как их коллективы справляются с армейскими заказами. О степени значимости, которую приобрела промысловая кооперация в чрезвычайных условиях войны, можно судить по тому, что банкам спустили директиву беспрепятственно ее кредитовать. Представителей Казпромсовета и Казкоопинсоюза даже наделили правом контролировать республиканские «снабы» [22. Л. 148–152].

Загрузке производственных мощностей способствовало решение СНК КазССР от 29 января 1942 г. о переработке на теплые вещи для Красной Армии верхней одежды, собранной у населения. Предметы гардероба, сданные гражданами в помощь фронту, перешивались на армейский лад. Особо ценились меховые изделия. Например, из лисьего салопы, который принесла на приемный пункт пенсионерка Мария Игнатьевна Кальмина, получился отличный летний комбинезон [23]. Использование этого специфического источника позволило промысловой кооперации Казахстана за 8,5 месяцев изготовить или отремонтировать 14 740 полушубков, 6 643 шерстяных жилета, 39 999 пар валенок, 16 882 шапки-ушанки. Чтобы справиться с целым потоком бывшей в употреблении одежды, пришлось даже оборудовать новые мастерские. Например, в Семипалатинском облпромсоюзе таковых было открыто 3, в Джамбульском – 17, в Северо-Казахстанском – 23 [24. Л. 1].

Для изготовления армейских валенок требовались особо прочные колодки из редкой породы дерева –

граба, которые до войны привозили из Белоруссии. Теперь их делали мастера из семипалатинского «Пимоката» во главе с орденоносцем, участником войны Виктором Алексеевичем Лапиным. Для этого они использовали широко распространенные в здешних лесопосадках тополь, ясень, ель. Одну смену работали по специальности – катали валенки, а в остальное время учились вырезать колодки. Вскоре все они стали квалифицированными колодочниками. Благодаря смекалке механика Полещука, придумавшего специальную центрифугу для сушки валенных заготовок, срок службы одной колодки увеличился с двух раз использования до семи [15. Л. 71].

Большинство наименований приходилось осваивать впервые, а времени на обучение персонала не было. Оригинальный метод быстро и дешево овладеть технологией пошива шинелей придумали в Кызыл-Ординском товариществе «Разнопром». Там перед тем, как перейти на их массовый выпуск, купили старый экземпляр солдатского «пальто», распорили его, внимательно изучили каждый лоскут и определили последовательность швейных операций. Попутно удалось создать практически безотходную методику кроя [11. Л. 158]. Обратной стороной медали явилось несоблюдение линейки ростовок при запуске швейного конвейера, но и с этим впоследствии справились. По совету эвакуированного специалиста ввели нумерацию деталей для шинелей разных размеров.

В настоящую головную боль превратилось снабжение сырьем. Так, наборов фурнитуры и креплений к лыжным ботинкам Семипалатинскому облпромсоюзу прислали соответственно 4,2 и 1,1 тыс. вместо необходимых 100 тыс. Выручили слесарно-механические мастерские областного управления местной промышленности, согласившиеся изготовить недостающие комплекты [Там же. Л. 110]. Если получалось изыскать местные материалы, то надо было проходить через утомительную волокиту с заменой артикулов, фасонов пуговиц, цвета и толщины ниток. Старые швейные и сапожные машины время от времени ломались, и тогда запасные части к ним приходилось покупать у населения или делать самим. Обыкновенные иголки ценились на вес золота.

На ритмичность работы промысловых товариществ пагубно влияла задержка взаиморасчетов. Так, в конце 1941 – начале 1942 г. в Казахстанском управлении промышленного снабжения (Казпромснаб) хлопчатобумажные ткани имелись уже в достаточном количестве, но не отпускались кооператорам ввиду временного отсутствия у них финансовых средств. На тот момент Народный комиссариат обороны задолжал Казпромсовету 6 318 тыс. руб. За время вынужденного бездействия только одна алма-атинская артель им. XX лет КазССР могла бы сшить 2 550 комплектов белья и 550 ватных костюмов [25. Л. 102–103].

Областные власти осознавали опасность недофинансирования промкооперации и на своем уровне при-

лагали усилия для ее преодоления. В частности, Акмолинский обком КП(б)К в марте 1942 г. открыл специальный счет в Кокчетавском отделении Госбанка, куда зачислялись целевые взносы и пожертвования, собранные у населения на пошив и ремонт теплых вещей для Красной Армии. Затем деньги направлялись промысловикам [26. Л. 76]. Сыграли свою роль меры по расширению банковского кредитования, снижению себестоимости продукции и повышению производительности труда. В совокупности это привело к увеличению прибыли, которая, вместе с паевыми взносами, почти целиком шла на пополнение оборотных средств.

С октября 1941 г. власти подключили промысловые товарищества к программе по созданию национальных войсковых соединений. В соответствии с ней торгующие организации – Облторготделы и райпотребсоюзы – за счет рыночных и децентрализованных фондов подряжались обеспечивать артели тканями, сырьем, кирзой, овчинами. Кооператоры, кроме летнего и зимнего обмундирования (шинелей, гимнастерок, шаровар, нательного белья, пилюток, брючных ремней, валенок, полушубков), стали поставлять в армию патронташи, вещмешки, полевые сумки, солдатские котелки, столовые ложки, танкистские шлемы, конскую сбрую, темляки для ножей и сабель, выюки для ручных пулеметов и минометов, маскировочные костюмы [5. С. 96, 114, 148, 168, 171, 197, 200–202, 376–378; 27. Л. 20].

Наиболее технически оснащенным артелям, например алма-атинскому «Новому строю», доверили делать головки и запалы ручных гранат, детали авиабомб. Сентябрьское задание 1942 г. было выполнено на 201%, а выработка на одного рабочего выросла с 976 до 2 124 руб., или на 211%. В течение всего времени, пока люди трудились для фронта, никто не опаздывал и не совершал прогулов. Передовиками стали даже те, кто раньше числился в отстающих [7. Л. 46]. Некоторые предприятия кооперативной промышленности освоили производство бутылок с «коктейлем Молотова». В Казахстане их называли «КС» – коварная смесь. Запущенная в борт или корму вражеского танка, такая бутылка разбивалась, а содержащаяся в ней жидкость моментально вспыхивала. Огонь по кабельным каналам и щелям проникал в моторный отсек и боевая машина загоралась. Это было грозное противотанковое оружие [28. С. 26].

В июне 1942 г. по просьбе командования Казпромсовет отправил Южному фронту несколько тысяч индивидуальных сумок артиллерийского мастера, снабженных гаечными и разводными ключами, отвертками, молотками, зубилами, пассатижами, метчиками для нарезания резьбы, штангенциркулями и пр. Можно себе представить, как сами кооператоры нуждались тогда в этих инструментах [29. Л. 115, 119]. В конце ноября 1942 г. Военный совет Юго-Восточного фронта обратился в Западно-Казахстанский обком партии с просьбой передать для воинских частей казачьи седла. Его представитель, старший

политрук Локтионов, с двумя сопровождающими побывал у местных артельщиков из «Красной Звезды» и «Металлиста», рассказал о тяжелых оборонительных боях и крайней нужде в кавалерийской упряжи. Люди согласились на двухсменную работу и уже к 10 декабря сделали первые 50 седел [30. С. 149]. В августе 1943 г. промысловики, в том числе из Коопинсоюза, по заданию ЦК КП(б)К установили шефство на ленинградскими партизанами, для которых произвели сверх плана почти 3 тыс. пар валенок и 1 500 пар утепленных кожаных ботинок [4. С. 307].

Помимо этого, они подписывались на облигации военных займов, осуществляли ежемесячные отчисления с заработной платы в фонд обороны, отдельно сдавали деньги на приобретение теплых вещей для Красной Армии, отправляли бойцам посылки с подарками. Особого упоминания достоин почин по сбору средств на строительство танковой колонны «Промкооператор Казахстана». К концу января 1943 г. сумма взносов составила 2 709 тыс. руб. Коллектив чимкентской артели «Трудовик» по инициативе Дихкамбаева, Бабаева, Сабирова и др. пожертвовал на эти цели всю прибыль, подлежащую распределению на паи [31].

Таким образом, кооператоры выполнили поставленные перед ними задачи. Только за период с июня 1941 г. по декабрь 1943 г. промысловые артели Казахстана отправили на фронт шинелей, гимнастеров и армейских брюк – на 60 дивизий, белья – на 90 дивизий, валенок – на 20 дивизий, полушубков – на 3 дивизии. Всего в годы Великой Отечественной войны они произвели 10 766 тыс. единиц обмундирования [32. Л. 2; 33. Л. 10]. Представленные факты дают полное основание оспорить вывод находившегося с 1941 по 1946 г. в Советском Союзе британского журналиста Александра Верта о том, что «значительная часть обуви и обмундирования для Красной Армии была изготовлена в Америке...» [34. С. 451–452]. Можно утверждать, что кооперативные предприятия республики в короткий срок превратились в составную часть оборонно-промышленного комплекса региона, зримо повысив его эффективность. При этом им пришлось работать со сверхнапряжением и зачастую самостоятельно решать вопросы обеспечения своего военного производства сырьем, оборудованием, кадрами и топливом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деборин Г.А., Тельпуховский Б.С. Итоги и уроки Великой Отечественной войны. М., 1970.
2. Казахская ССР за тридцать лет Советской власти. Алма-Ата, 1948.
3. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 : сб. док. и матер. Алма-Ата, 1967. Т. 2.
4. Коммунистическая партия (большевики) Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Алма-Ата, 1984. Т. 3: Июнь 1937–1948 гг.
5. Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП(б) Казахстана 1941–1945 гг. Алматы, 2010.
6. Центральный городской архив Алматы (далее – ЦГАА). Ф. 174. Оп. 15. Д. 564.
7. Архив Президента Республики Казахстан (далее – АПРК). Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 919.
8. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф. 1143. Оп. 2. Д. 115.
9. АПРК. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 136.
10. АПРК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 915.
11. ЦГА РК. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 489.
12. ЦГАА. Ф. 174. Оп. 29. Д. 3.
13. Казахстанская правда. 1942. 19 ноя.
14. АПРК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 1363.
15. ЦГА РК. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 526.
16. ЦГА РК. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 548.
17. Акмолинская правда. 1943. 21 мая.
18. АПРК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 103.
19. ЦГА РК. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 698.
20. АПРК. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 137.
21. Алма-Ата – столица КазССР. Алма-Ата, 1960.
22. АПРК. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 139.
23. Казахстанская правда. 1942. 8 янв.
24. ЦГА РК. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 549.
25. АПРК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 901.
26. Государственный архив Акмолинской области (далее – ГААО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 530.
27. ГААО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 491.
28. Козыбаев М.К., Едыгенов Н.Е. Труд во имя Победы. Алматы, 1995.
29. АПРК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 916.
30. Букаткин П.Р. Западный Казахстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967.
31. Казахстанская правда. 1943. 20 янв.
32. АПРК. Ф. 708. Оп. 1. Д. 574.
33. АПРК. Ф. 708. Оп. 1. Д. 698.
34. Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 1967.

Nurgaliev Arman Z. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: O_nurgaliev@mail.ru

THE COOPERATIVE ENTERPRISES OF KAZAKHSTAN – TO THE FRONT.

Keywords: the Great Patriotic war; the Kazakh SSR; producer's artels; execute military orders.

In this article the author analyzes the efforts to provide uniforms and equipment to army and front by cooperative enterprises of Kazakh SSR. The article presents the economic potential of the cooperative sector of the republican industry before the war. Despite this, since the middle of July 1941 the system began to receive special tasks, though in the mobilization plans at peacetime this measure has not been envisaged. With specific examples the solution of such problems as the supplement of artels with raw and equipment is described.

Allocated central funds that was not enough as well as resources that was needed for the production of military goods, including fuel, that cooperatives produced by themselves. Their use was strictly controlled by the authorities. At the same time, the author paid attention to the production system with qualified staff. Working hours were increased, women and teenagers were involved in the production, and it was banned to distract specialists for harvest. The article discusses economic relations with subcontractors, including large factories and public institutions. It is told about the efforts of local government and party officials aimed to improve efficiency of small collective enterprises and solved such important issues as transport and finance. In addition to participating in government military programs, cooperative partnership established patronage over the military and partisan units which they have supplied with ammunition and send parcels with gifts. The article also gives information about subscribing members of artels on war bonds, monthly deductions from the salary to the defense fund, donations of money and value for the purchase of warm clothes for the Red Army. The author gives special attention to the fundraising for the construction of a tank column "Promkooperator Kazakhstan". In conclusion, trader's partnerships have become an integral part of the defense-industrial complex of the Republic in a short time, significantly increasing its effectiveness. Presence of own supply unit, in-system maneuvering resources relying on local content, usage of various types of employment makes them more responsive and powerful over similar state enterprises, forming the structure of National Commissariat of local industry.

REFERENCES

1. Deborin, G.A. & Tel'pukhovskiy, B.S. (1970) *Itogi i uroki Velikoy Otechestvennoy voyny* [The results and lessons of the Great Patriotic War]. Moscow: Mysl'.
2. Tazhiev, I. (ed.) (1948) *Kazakhskaya SSR za tridsat' let Sovetskoj vlasti* [Kazakh SSR thirty years of Soviet power]. Alma-Ata: Kazgiz.
3. Pokrovskiy, S.I. (ed.) (1967) *Kazakhstan v period Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza 1941-1945* [Kazakhstan during the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945]. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences. Vol. 2.
4. Anon. (1984) *Kommunisticheskaya partiya Kazakhstana v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [The Communist Party of Kazakhstan in the resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee]. Alma-Ata: Kazakhstan. Vol. 3.
5. Shepel, V.N. (ed.) (2010) *Rassekrechennaya voyna: «osobyie papki» TsK KP(b) Kazakhstana 1941–1945 gg.* [Declassified war: "special folders" of Kazakhstan CP(b) Central Committee. 1941-1945]. Almaty: Edel'veys.
6. The Central City Archives of Almaty (TsGAA). Fund 174. List 15. File 564.
7. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 6/1. File 919.
8. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1143. List 2. File 115.
9. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund. 708. List 5/1. File 136.
10. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 6/1. File 915.
11. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1743. List 1. File 489.
12. The Central City Archives of Almaty (TsGAA). Fund 174. List 29. File 3.
13. *Kazakhstanskaya pravda*. (1942) 19th November.
14. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 6/1. File 1363.
15. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1743. List 1. File 526.
16. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1743. List 1. File 548.
17. *Akmolinskaya pravda*. (1943) 21st May
18. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 6/1. File 103.
19. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1743. List 1. File 698.
20. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 5/1. File 137.
21. Dzhusulbekov, S.D. (1960) *Alma-Ata – stolitsa KazSSR* [Alma-Ata - the capital of the Kazakh SSR]. Alma-Ata: Kazgosozdat'.
22. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 5/1. File 139.
23. *Kazakhstanskaya pravda*. (1942) 8th January.
24. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1743. List 1. File 549.
25. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 6/1. File 901.
26. The State Archives of Akmola region (GAAO). Fund 32. List 1. File 530.
27. The State Archives of Akmola region (GAAO). Fund 32. List 1. File 491.
28. Kozybaev, M.K. & Edygenov, N.E. (1995) *Trud vo imya Pobedy* [Work in the name of Victory]. Almaty: Kazakhstan.
29. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 6/1. File 916.
30. Bukatkin, P.R. (1967) *Zapadnyy Kazakhstan v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [Western Kazakhstan during the Great Patriotic War (1941-1945)]. History Cand. Diss. Alma-Ata.
31. *Kazakhstanskaya pravda*. (1943) 20th January.
32. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 1. File 574.
33. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 1. File 698.
34. Werth, A. (1967) *Rossiya v voyne 1941–1945* [Russia in the war of 1941-1945]. Translated from English. Moscow: Voennoe izdatel'stvo.